

Д.П.Грин, И.Шапиро

**ОБЪЯСНЕНИЯ ПОЛИТИКИ С
ПОЗИЦИЙ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО
ВЫБОРА: ПОЧЕМУ ТАК МАЛО УДАЛОСЬ
УЗНАТЬ?**

**(D.P.Green, I.Shapiro. Rational Choice Explanationa of Politics:
Why Has So Little Been Learned? — «Полис», 1994, № 3)**

Введение

С тех пор как в 1951 г. вышла в свет работа К.Эрроу «Социальный выбор и индивидуальные ценности», в политической науке имел место бум научных исследований, развивающих концепцию рационального выбора. В 50-х — начале 60-х годов теория рационального выбора была лишь своего рода надомным промыслом в политической науке, в которой господствовал бихевиоральный и институциональный анализ в разнообразных формах. Ныне же эта теория решительно продвинулась далеко за пределы первоначальных эзотерических изданий и аудиторий. Она весомо представлена в основных журналах и на научных форумах в сфере политологии, и на всех значительных политологических факультетах Америки ее сторонники пользуются большим спросом. Теория рационального выбора вышла также за рамки предметов политической теории и американской политики, распространившись сначала на исследования международных отношений, а позднее — и на сравнительные политические исследования. Да едва ли хоть одна область политической науки осталась не затронутой ее влиянием. Подсчет количества проводящих эту концепцию статей, опубликованных в «Америкэн политики сайенс ревью», по пятилетиям, начиная с 1952 г., подтверждает неуклонное нарастание ее разработок. Если в 1952 г. в этом ведущем в данной отрасли знания журнале такие разработки не просматриваются, то спустя четыре десятилетия из сорока одной опубликованной за год статьи

означенная концепция содержится в пятнадцати.

Современные теоретики рационального выбора не были первыми, кто стал пытаться объяснять происходящее в политике, исходя из представления, что и избиратели, и политики — это субъекты, рационально преследующие цели максимальной выгоды или пользы. Что выделяет современные исследования, основывающиеся на концепции рационального выбора, — в сравнении с прежде имевшим распространение неформализованным и импрессионистическим теоретизированием, — это систематичность, с какой в них выводятся положения о микросоциальных основаниях политического поведения. При объяснении результатов политических процессов теоретики рационального выбора обращаются к дедуктивным способам формулирования версий о том, с какими побудительными и сдерживающими факторами сталкиваются индивиды, какими расчетами руководствуются. Систематическое изучение стратегии поведения индивидов вывело теоретиков на новые подходы к традиционным вопросам политической науки, а также привело их к постановке прежде не ставившихся вопросов относительно природы политических феноменов.

Многим представляется, что такая трансформация в исследованиях политики ознаменовалась триумфальным успехом. Например, У.Райкер (Riker, 1990, с 177-178) утверждает, что единственный действительный прогресс, какой когда-либо имел место в политической науке, связан с применением теорий рационального выбора. Хотя другие и не заходят в оценках столь далеко, тем не менее стало принято начинать антологии и обзоры с превознесения достижений этой теории. Дж.Найт (Knight, 1992, с. 1063) заявляет, что теория рационального выбора «значительно продвинула наше понимание роли институтов в жизни общества». Ни в какой сфере, пишет Г.Кавка (Kavka, 1991, с. 371), распространение экономических моделей рационального выбора не было «более широким или успешным, чем в области политики». К.Монро (Monroe, 1991, с. 2) характеризует рациональный выбор как «одну из ключевых парадигм политической и социальной науки, дающую глубокие, строгие и экономные объяснения», а П.Эйбелл (Abell, 1992, с. 303-4) настоятельно убеждает социологов принять теорию рационального выбора отчасти ради ее многочисленных достижений в политической науке. (...)

С нашей точки зрения, фанфары, которыми в политической науке был встречен подход с позиций теории рационального выбора, придется тотчас признать во многом преждевременными, как только задаться вопросом: какой вклад внесла эта литература в наше

понимание политики? Мы не оспариваем того факта, что приверженцами теории рационального выбора созданы теоретические модели огромной и возрастающей изощренности; однако, на наш взгляд, надо еще доказать, что эти модели продвинули вперед понимание того, как функционирует политика в реальном мире. До сих пор значительная часть теоретических догадок сторонников концепции рационального выбора эмпирически не проверялась. Предпринимавшиеся же проверки либо оканчивались неудачей, не дав оговоренных результатов, либо подкрепляли собой теоретическое обоснование положений, которые, по размышлению, можно счесть лишь банальными: они разве что переформулируют существующее знание, облекая его в терминологию рационального выбора.

Разрыв между тем, сколь безоглядно верят в теорию рационального выбора ее приверженцы, и тем фактом, что она не обрела эмпирической убедительности, дает основание пристальнее присмотреться к разработке этой теории как к научному предприятию. На наш взгляд, слабости данного научного направления коренятся в характерном устремлении его приверженцев выйти на уровень универсальных теорий политики. Это стремление заставляет многих из них изыскивать все более утонченные формы выработки теоретической продукции, даже и в принципе мало заботясь о том, каким образом эти теории могли бы быть операционализированы и проверены. Когда они пытаются проводить систематическую эмпирическую работу, ее в типичных случаях портит ряд характерных погрешностей, восходящих к тем универсалистским претензиям, которые они ошибочно считают отличительным признаком настоящей научности. (...)

Дела, мы считаем, не поправить без осознания синдрома обнаруживаемых нами методологических упущений и без пересмотра приводящей к этим упущениям универсалистской устремленности. (...)

Прежде чем мы приступим к изложению своих суждений о концепции рационального выбора и ее недостатках, нам важно обратить внимание на то, какие позиции мы здесь *не* отстаиваем. Во-первых, мы не критикуем стремление приверженцев теории рационального выбора исследовать политику научно. Напротив, мы приветствуем научную мотивацию данного исследовательского направления. Во-вторых, у нас нет никаких возражений против формализованного, математического описания, характерного для работ в духе концепции рационального выбора, или против разработки «последовательной, экономной и дедуктивно выстроенной теории» (Ordeshook, 1993, с. 72).

Изложение теории в виде совокупности положений, выстроенных по принципу дедукции, имеет свои полезные стороны; оно может выявить ранее не замеченные противоречия в неформализованно изложенных теориях, а также обнаружить существование ускользнувших от внимания аналитических зависимостей. С другой стороны, формализация не есть ни панацея от всех бед общественной науки, ни самоцель. Сколь бы ни была теория аналитически компактной и экономной, ее научная ценность зависит от того, насколько хорошо она объясняет относящиеся к предмету данные. С формализацией же как таковой мы не враждуем.

В-третьих, мы не ведем общего наступления на парадигму рациональности. В отличие от других критиков теории рационального выбора, мы придерживаемся агностической позиции в вопросе о том, восходят ли политические феномены к рационально действующим индивидам как к своему источнику. Не утверждаем мы и того, что модели рационального выбора лишены эвристической ценности, как не отрицаем и их полезности в качестве средства генерирования гипотез. Мы не предубеждены против возможности того, что рациональность нередко способна составить часть содержания удовлетворительных объяснений в политической науке. Однако совсем иное дело — утверждать, что приложения теории рационального выбора внесли разного рода существенный эмпирический вклад в исследование политики; мы считаем, что такого вклада они не внесли. В-четвертых, мы заявляем не о том, что модели рационального выбора не способны объяснять политические феномены, а только о том, что мало насчитывается таких новаторских приложений этих моделей, в отношении которых было бы доказано, что они выдержали тщательную эмпирическую проверку. Мы полагаем, есть веские основания для скептицизма по поводу универалистских амбиций, вынашиваемых многими приверженцами теории рационального выбора, однако готовы допустить возможную приемлемость определенных ее приложений. Но до сего дня, по нашему убеждению, эмпирическая работа, якобы подкреплявшая модели рационального выбора, страдала глубокими изъянами, а та эмпирическая работа, которая выполнялась добротной, позиции сторонников концепции рационального выбора скорее подрывает. Дефектность в эмпирической работе возникает не просто из-за небрежности (хотя ее, как и во всей общественной науке, предостаточно), но из-за того, что приверженцы теории рационального выбора обычно допускают определенные характерные ошибки при формулировании и проверке эмпирических гипотез. В итоге, при всей внушительности многих из аналитических результатов, полученных на основе этой теории, не

видно, чтобы они сообщали нам о политике что-либо новое и достоверное. Наконец, в-пятых, как предприятие в области политической науки теория рационального выбора рассматривается здесь нами прежде всего в аспекте ее объясняющей роли. Мы мало что сможем сказать о ее идеологическом или нормативном (prescriptive) измерении.

Наша аргументация, впрочем, не лишена нормативных (normative) импликаций. Нормативные (prescriptive) импликации порою выводят из объясняющих положений, развиваемых с позиций теории рационального выбора, однако имеющих под собой непрочные эмпирические основания. Например, значительное количество литературы на тему рационального выбора выросло на почве феномена «преследования рентных выгод» (rent-seeking) — это когда обладающие какой-либо монополией группы интересов склоняют правительства охранять, посредством процесса регулирования, их господствующие позиции. Данные о том, действительно ли имеет место, и как часто, поведение, определяемое как «преследование рентных выгод», конечно же, разноречивы. Тем не менее Мюллер (1989), завершая свой в остальном беспристрастный обзор литературы по рациональному выбору, касающейся данного предмета, заключает, что «наилучший и простейший способ избежать проблемы, связанной с преследованием рентных выгод, состоит в том, чтобы избежать введения институтов, создающих источники таковых, — тех систем регулирования и тех регулирующих органов, которые подталкивают (lead to) к преследованию рентных выгод». Слишком часто нормативные (prescriptive) заключения такого рода подвизываются к эмпирически сомнительным гипотезам, основывающимся на концепции рационального выбора, как это происходит у Райкера и Уайнтаста (1988): они считают, что подверженность системы правления большинства манипулированию делает оправданным введение сильных, реализуемых судебным порядком конституционных ограничений в отношении того, чем вправе заниматься законодательные органы, как это было сделано Верховным Судом США во времена *Локнера*. Райкер и Уайнтаст указывают на аналитическую возможность нестабильности законодательного процесса¹ в подкрепление своего заявления о том, что «ни [Верховный] Суд, ни правоведение не представили теоретических обоснований презумпции адекватности решений, принимаемых законодательными органами, да к тому же они не

¹ В том смысле, что большинство может складываться «случайно», в связи с подверженностью какой-то части законодателей давлению извне.

задались даже вопросом, работают ли на самом деле принимаемые этими органами решения». Однако же не было приведено никаких убедительных свидетельств в подкрепление утверждения Райкера и Уайнтаста о том, что возможность колебаний численного большинства (cycles) часто реализуется в фактически существующих законодательных органах. Когда объясняющие теории рационального выбора используются для выдвижения указанного рода нормативных (prescriptive) заявок, это принимает идеологический характер, каковой и вскрывает критика подводимых под это ненадежных эмпирических оснований.

Сущность теории рационального выбора

В термин *рациональный выбор* вкладывают различный смысл, а модели рационального выбора имеют хождение порой под разнообразными наименованиями (например: теория общественного выбора; теория социального выбора; теория игр; модели рационального актора; положительная политэкономия, а также экономический подход к политике и др.) Поскольку наша задача — методологическая критика, а не разработка какой-либо конкретной модели, мы, как правило, следуем определениям, которые приняты авторами рассматриваемых работ. Однако мы, возможно, наметим некоторое предварительное определение, если укажем, что среди теоретиков налицо широкое согласие по некоторым стержневым элементам определения рациональности, тогда как другие ее признаки являются более спорными. Теоретики рационального выбора в целом сходятся на инструментальном понимании рациональности, с которой [рациональностью], как это мыслится [в данной концепции], индивиды соотносят свои ожидаемые выгоды, максимизируя их формально предсказуемыми способами.

Расходятся же теоретики рационального выбора в вопросе об оправданном наполнении исходных допущений относительно человеческих целей. Одни прибегают к несодержательным версиям, исходящим просто из допущения, что люди эффективно используют имеющиеся в их распоряжении средства для достижения своих целей. Другие выдвигают содержательные версии, в которых, по словам Фирджона (Ferejohn, 1991? с. 282), «аналитик постулирует не только рациональность, но и, дополнительно, тот или иной характер предпочтений и убеждений действующих, например, что они стремятся к максимизации материального успеха, или удовольствия, или власти».

Утилитаризм и классическая политическая экономия на протяжении большей части своей истории строились на фундаменте

содержательных рационалистских посылок, как то характерно для начатков аргументации с позиции концепции рационального выбора — у Гоббса (исходившего из того, что индивиды стремятся к максимизации власти) и у Бентама (полагавшего, что они стремятся к максимизации удовольствия). Неоклассическая же экономическая наука с позиций концепции рационального выбора оперирует несодержательными допущениями относительно потребителей: предполагается, что они стремятся к максимизации своих выгод, однако характер этих выгод заведомо не оговаривается. Вместе с тем неоклассической теории фирмы присуща содержательность исходных допущений о рациональности, в том смысле, в каком об этом говорит Фирджон, ибо все фирмы, с точки зрения этой теории, стремятся к максимизации прибылей.

Некоторые [тематические] направления в политологической литературе, развивающей концепцию рационального выбора, в особенности литература о явлениях колебаний, например, в голосовании законодателей (*cycling*) и о подверженности политиков давлению, почти полностью основываются на несодержательных допущениях рациональности. В результате в них сведена к минимуму разноречивость в посылках относительно человеческих целей и мотивации. Значительная часть литературы по рациональному выбору основывается, напротив, на явственно содержательных допущениях. Например, литература о соперничестве партий, как правило, исходит из того, что партии стремятся обеспечить себе максимальное число голосов избирателей и тем самым максимальную власть; в литературе о преследовании рентных выгод речь ведется о целом ряде разнообразных целей, максимальной степени достижения которых добиваются группы интересов, — от прибылей до сохранения окружающей среды; значительная часть экономико-правовой литературы исходит из посылки, что соответствующие судебные решения диктуются стремлением к максимизации производства богатства; а законодателям и чиновничеству литература о них вменяет стремление разнообразными способами добиваться максимального продвижения в карьере. Хотя эти исходные посылки и более разноречивы в сравнении с несодержательными, зато они, *prima facie* (на первый взгляд. — *Пер.*), должны сулить меньше трудностей для эмпирической проверки, ибо оставляют меньше места для нечеткости в определении и измерении того, к максимизации чего, согласно посылке, устремлено реальное действие. Тем не менее, как мы покажем ниже, при эмпирической проверке содержательные версии рациональности часто оказывались столь же шатки, как и несодержательные.

Иногда нет ясности насчет того, является ли посылка о рациональности содержательной или несодержательной. Даже если содержание предпочтений заранее никак не оговаривается, все же относительно устойчивости распределения приоритетов в предпочтениях исследователь может делать известные допущения, а они содержательно более наполнены, чем того требует несодержательная версия. Так, в несодержательной в остальных отношениях версии можно, тем не менее, исходить из того, что люди с течением времени не меняют своих предпочтений в отношении одного и того же набора полезных и доступных результатов, или из того, что на склонности акторов не оказывают прямого влияния предлагаемый им выбор или поведение других. По степени содержательности своих исходных посылок теории рационального выбора в принципе разнятся между собой в диапазоне от содержательных до несодержательных, однако эмпирические приложения редко приближаются к идеальному типу последних.

Другая область расхождений между теоретиками рационального выбора относится к информации, какую действующие, предположительно, обычно могут располагать и в своих действиях руководствоваться. Традиционные неоклассические модели рыночного поведения исходят из допущения как исчерпывающей информированности потребителей, так и их способности имеющуюся информацию понимать и использовать. Такие допущения нереалистичны, тем более в политике, где избиратели, по общему признанию, бывают плохо информированы о лидерах и политических программах, в отношении которых, как это предполагается, они осуществляют свой выбор. Поэтому многие теоретики политики, применяющие концепцию рационального выбора, отказались от допущения исчерпывающей информированности, сохранив, однако, то допущение, что акторы максимально используют неполную информацию, какую располагают (см., например, McKelvey и Ordeshook, 1987, с. 77-99). Неполнота информации, по видимости, отражает тот факт, что ее добывание часто требует времени и затрат. Становясь на ту точку зрения, что сбор информации сходен с другими экономическими вложениями средств, Дауне (Downs, 1957, с. 215) приходит к мысли, что всякий соискатель информации «продолжает вкладывать ресурсы в добывание данных, пока предельно возможная отдача от информации не сравняется с предельно допустимыми затратами на ее получение». Так как избиратель имеет разве что самую слабую надежду на то, что его голос окажется на выборах решающим, упомянутая отдача, скорее всего, будет невелика; ввиду этого

рациональный гражданин вкладывает мало ресурсов в приобретение политической информации. По этой логике, однако, как замечает Элстер (Elster, 1986a, с. 19—20), получается загадочная ситуация: действующий должен определить ценность информации, которой у него еще нет, с тем, чтобы решить, стоит ли давать себе труд эту информацию добывать. Вариант подобной же головоломки сам собою возникает, когда теоретики рационального выбора ломают головы над вопросом о рациональности «близорукого» поведения, при котором акторы преследуют цель немедленной отдачи, не считаясь с возможностью нежелательных результатов, к каким может привести такая стратегия (см. Krehbiel и Rivers, 1990, с. 548-578; Austen-Smith, 1991, с. 73-92). В предположении, что стратегические предусмотрительность и планирование даются даром, близорукое действие не может быть охарактеризовано как рациональное. Но если признать наличие познавательных издержек (или отвлечений, проистекающих из преследования целей в других областях жизни), проявления близорукой стратегии могут быть истолкованы как рациональные, учитывая недальновидность самих убеждений актора.

Некоторые из расхождений по этим и другим вопросам вытекают из различия исходных установок, какими ученый определяет свою философию науки. Если, скажем, руководствоваться — как то и делают некоторые теоретики рационального выбора — моделью объяснения, предусматривающей установление законов, которым явление подчиняется, тогда будет представляться важным разрабатывать модели, по мере усложнения становящиеся все более реалистичными в своих исходных допущениях. Если же подходить к объяснению инструменталистски, — а именно таков подход других теоретиков, — тогда не столь существенно, являются ли исходные допущения реалистичными; важны их прогностические возможности. В нашу задачу не входит подробно разбирать здесь такие расхождения. Достаточно будет заметить, что от эмпирической проверки теория не может уйти, независимо от того, вменяется ли ей установление законов или же она исходит из инструменталистских установок в духе Фридмана. Как отмечали Моу (Moe, 1979, с. 215-39) и Миллер (Miller, 1987, с. 18-19), модель, предусматривающая установление законов, которым явление подчиняется, обретает определенность и действенность благодаря требованию, чтобы означенные законы были одновременно общими и эмпирическими, что, стало быть, делает их подверженными риску неподтверждения при наблюдении. Такая контрольная проверка на реальность призвана служить гарантией того, что устанавливаемые законы — не просто полет интеллектуальной фантазии; если они

оказываются не согласующимися с данными наблюдений, то их следует отвергать или же видоизменять и затем подвергать новым эмпирическим проверкам. Действенность же инструменталистского подхода, по самой его сути, решающим образом определяется прогностическим эмпирическим успехом; иного для оценки теории не дано. С какой, следовательно, стороны ни взглянуть, та или иная теория политики не оправдывает себя, если ее гипотезы не могут пережить тщательной эмпирической проверки. Ввиду сказанного приходится удивляться, что и защитники, и критики теории рационального выбора так мало уделяли внимания эмпирической верификации. К этому предмету мы теперь и перейдем.

Характерные методологические ошибки

При всей возможной аналитической стройности или эвристической ценности теорий рационального выбора, эмпирические их приложения страдали двумя разновидностями пороков методологии. Первая охватывает недостатки обыденного свойства. Ученые, работающие в традиции теории рационального выбора, порой неправильно применяют статистическую методику, упускают из виду проблемы ошибок в измерениях или чрезмерно полагаются на выводы, сделанные на основании незначительного числа конкретных наблюдений. Хотя методологические недостатки такого рода потенциально серьезны, все же всходы, которые они дают, — это всходы на соответствующих делянках в политической науке; и не на них в первую очередь сосредоточена наша критика.

Большой интерес представляет синдром фундаментальных и упорно повторяемых методологических ошибок, коренящихся в универсалистских устремлениях, какими мотивирована столь значительная часть теоретических исследований по рациональному выбору. Эти ошибки относятся к способам концептуализации гипотез, к методу их преобразования в поддающиеся проверке пропозиции и к интерпретации эмпирических результатов, когда такие проверки проводятся. Мы убеждены, что эти ошибки (часто взаимно друг друга усугубляющие) проистекают из такого подхода к исследованию, когда исследователь идет от метода, а не от проблемы, когда ученые больше озабочены тем, чтобы утвердить ту или иную универсалистскую модель, нежели тем, чтобы понять и объяснить политические результаты, имеющие место в реальной действительности. Именно это устремление, более, чем что-либо другое, ведет к ошибкам, которые мы здесь характеризуем как патологию теории рационального выбора (...). В настоящей статье мы ограничиваемся общей характеристикой и иллюстрацией этих

методологических ошибок, разъясняя, почему они идут вразрез с существеннейшими требованиями, которым должны удовлетворять доброкачественные эмпирические исследования.

Теоретизирование Post hoc

Многие пороки методологии в исследованиях с позиций теории рационального выбора восходят к тому стилю теоретизирования, при котором придается большое значение выработке *post hoc* версий, истолковывающих уже известные факты. Можно ли с помощью какой-либо гипотезы в терминах рационального выбора объяснить существование систем старшинства в конгрессе? Или возрастание правительственных расходов, увеличивающее бюджетный дефицит? Или почему люди голосуют за третьи партии? Для ответа на такие вопросы теоретик производит мысленный эксперимент, с тем чтобы выработать объяснение того или иного феномена, согласующееся с посылками, сформулированными в терминах рационального выбора и тем или иным образом оговоренными. Фьорина и Шепсле (Fiorina и Shepsle, 1982, с. 63) дают ясное описание такого подхода:

«Наша позиция состоит в том, что картина научного прогресса отражает (1) выбор учеными моделей, которые (2) обладают равновесием, которое (3) соответствует наблюдаемым регулярностям. Это не сопряжено ни с предшествующим фактам (*ex ante*) конструированием равновесных моделей, генерализацию и совершенствование которых сковывало бы требование сохранения равновесности... ни с сохранением неравновесных моделей, позволяющих лишь молчанием ответить на просьбу как-либо высказаться о реальности в позитивной форме... Первый путь мало что позволяет сказать о мире явлений, второй путь вообще мало что позволяет сказать. Мы же рекомендуем третий путь, называемый «ретродукция»... Попросту говоря, ретродуктивный процесс начинается с эмпирической регулярности X и постановки вопроса: «Как могла быть структурирована реальность, чтобы регулярность X заведомо была одним из свойств этой реальности?» Ответы (а их должно быть несколько) представляют собой модели, в которых общим элементом является регулярность X как логическая импликация».

Несомненно, предпочтительнее пытаться объяснять наблюдаемые эмпирические регулярности, нежели изготавливать теории в соответствии с теми требованиями «изящества и других эстетических критериев», которыми обычно и руководствуется теоретизирование на основе концепции рационального выбора как в

политической, так и в экономической науке (см. Fiorina и Shepsle, 1982, с 63) Но без точного определения того, что значит быть рациональным актором, неясно, какие виды поведения в принципе не могли бы быть объясняемы каким бы то ни было вариантом рационального выбора. Теоретики рационального выбора имеют в своем распоряжении ряд исходных посылок относительно целей акторов (богатство, власть, моральное удовлетворение и т.д.) и о том, в какой степени индивиды извлекают пользу из блага других, а также о характере познаний и убеждений, которыми акторы обладают, об их склонностях к риску, о том, какова допустимая для них плата за ожидаемые обретения, о том, диктуются ли их решения обдумыванием стратегии поведения других, а если да, то — о принципах, на основе которых принимаются решения в условиях неизвестности Как отмечает Ордершук (Oideshook, 1993, с. 95), исследователи, кропотливо разрабатывая объяснения *post hoc*, не обязательно многого добивались: «Даже если соответствие данным достигает у таких моделей некоторого приемлемого уровня статистической точности, на это следует возразить, что в отношении почти любого мыслимого результата [из реальной жизни] может быть установлено, что он отвечает какой-либо модели, лишь бы модель была достаточно сложна... Конструирование исходных посылок таким образом, чтобы предсказания некоторой модели подошли к данным, мало чем отличается от подгонки кривых [на диаграммах], разве что оно чуть посложнее этого обычно малопочитаемого занятия».

Свидетельством легкости, с какой могут возникать объясняющие версии, создаваемые *post hoc*, является множество достаточных объяснений таких феноменов, как игнорирование (turnout) голосующими избирателями различий между платформами обеих американских партий. Еще одно свидетельство — то, как быстро появляются достаточные объяснения «стилизированных фактов», которые, если поразмыслить, вовсе и не факты. Маккелви и Ризман (McKelvey и Riezman, 1992, с. 951), например, берутся объяснить и , то, почему повторно баллотирующиеся на выборах законодатели обычно оказываются переизбранными на новый срок, причем значительным большинством голосов, и то, почему в законодательных органах существуют системы старшинства. Но ни одна из этих посылок не является действительной для законодательных органов в целом. Показатели переизбрания на новый срок резко различны для сенаторов и для членов палаты представителей, а система старшинства в Конгрессе была различной силы в разное время. К тому же статистические исследования выборов в Конгресс (см., например, Feldman и

Jondrow, 1984; а также Ragsdale и Cook, 1987, с. 45-81) не обнаруживают свидетельств предполагаемой причинной связи между старшинством и успехами баллотирующихся на новый срок. Непонятно, что же в таком случае делать с аналитическим результатом Маккелви и Ризмана, согласно которому в равновесной модельной ситуации (*in equilibrium*) законодатели принимают систему старшинства, а избиратели единогласно переизбирают всех, кто баллотируется на новый срок.

В этом пункте может последовать возражение, что то, что мы называем теоретизированием *post hoc*, вполне можно определить как разрешение трудных загадок — законное научное занятие. Могут, например, указать, что если избиратели в больших количествах идут к избирательным урнам вопреки теоретическому предсказанию о том, что рациональные граждане от участия в выборах воздерживаются, то этот факт подводит к открытию гражданственности. Наша оговорка насчет таких «открытий» (если их можно счесть таковыми) сводится к тому, что ретродукцией выводится лишь положение, согласно которому не является невозможным, что некоторые гипотезы рационального выбора могут быть истинными. Часто теоретики рационального выбора, как кажется, считают, что на этом занятие заканчивается, что предлагаемая *post hoc* объясняющая версия и впрямь демонстрирует оправданность такой исследовательской позиции — смотреть на политику, как если бы в ней сплошь действовали акторы, которые подходят к «каждой ситуации, глядя одним глазом на предлежащие возможные обретения, другим — на издержки, и у которых имеется тонкая способность сводить баланс того и другого, а также и сильное желание следовать за рациональностью, куда бы она ни вела» (см. Downs, 1957, с. 7-8). Данные — а именно из них теория черпает свой жизненный заряд — не могут, однако, быть надлежащим образом использованы для проверки ее, особенно когда много различных *post hoc* объясняющих версий обслуживают один и тот же прогноз. Покуда на основе той или иной ретродуктивной объясняющей версии не вырабатываются гипотезы, остающиеся в силе после их проверки на других феноменах, — заметной эмпирической значимости [теории] не установлено.

Модели того или иного феномена, основываемые на принципе рационального выбора, вдобавок к сказанному, трудно сопоставить с альтернативными теоретическими подходами, не имеющими в своих основаниях посылку максимизации пользы. В принципе, как и в практике, модели рационального выбора могут строиться исходя из широкого набора посылок относительно убеждений, склонностей, а также понуждающих факторов среды. Неудивительно, что модели

рационального выбора могут выдавать диаметрально противоположные прогнозы. От некоторых объясняющих версий исходит, например, прогноз, что коллективная политическая акция [как форма] рухнет под тяжестью проблемы, связанной с распространенностью действий в одиночку (of the free-rider problem); другие версии говорят о том, что таким движениям могут способствовать солидарные побуждения. В некоторых вариантах теории рационального выбора предсказывается, что кандидаты в двухпартийной системе будут принимать идентичные платформы, в других же утверждается, что политические позиции кандидатов будут расходиться. То, что построения теории рационального выбора прогнозируют как X, так и не-X, создает досадные проблемы для тех, кто пытается сравнить, как работают модели рационального выбора и как — конкурирующие с ними. Прогнозы какой-либо из моделей рационального выбора неизменно совпадают с прогнозами другого теоретического направления.

Альтернативные теоретические описания, надо заметить, не пользуются у теоретиков рационального выбора сколько-нибудь почтительным вниманием. Вместо этого, погоня за достаточными объясняющими версиями политических феноменов часто побуждает их в соответствующих случаях сосредоточиваться на том, что именно, по всей видимости, та или иная теория объясняет. Как отмечает Рассел (Russel, 1979, с. 11), этот стиль анализа часто сопровождается поразительным пренебрежением к альтернативным объяснениям, оставляя открытым вопрос о том, соответствуют ли дан-ные в столь же полной мере прогнозам конкурирующих теоретических описаний. Уход от сравнительной оценки силы альтернативных описаний и описаний в духе концепции рационального выбора порою является следствием простой небрежности и местнической узости. Однако чаще он проистекает из ущербного подхода к теоретическому исследованию, когда упор делается на формулировании достаточных объяснений. По иронии судьбы, упорное навязывание одной формы объяснения, исключая другие, приводит к эффекту преуменьшения убедительности объясняющих версий с позиций рационального выбора.

Развертываемая здесь критика теоретизирования *post hoc* не подразумевает заведомого исключения возможности подлинного обновления той или иной теоретической модели. Мы говорим не о том, что теоретические прогнозы нельзя изменять, с тем чтобы они соответствовали новым фактическим данным, а о том, что фактически производимые «обновления» в типичных случаях бывают не связаны, собственно, с новыми прогнозами; они сводятся

просто к описанию процессов заново, причем в новом описании свое место находит и тот или иной прежде неизвестный результат [из реальной жизни]. Обычно теоретики рационального выбора, перестроив свои гипотезы, с тем чтобы охватить ставшие известными факты, не предпринимают следующего шага: четкой проверки с целью оценить, насколько гипотеза эмпирически адекватна в пересмотренном виде. Еще реже предпринимают они шаг дальнейший: сравнительную оценку эмпирической действенности предпочитаемой ими теоретической формулировки и альтернативных объясняющих версий.

Формулирование задачи при проверке теории

Для проверки теории необходимо заранее знать, что она предсказывает. Со стороны некоторых приверженцев теории рационального выбора порой раздавались сетования по поводу недостаточного внимания к указанному аспекту прикладных исследований, проводимых в русле этой теории. Например, в 1978 г. Фьорина и Плотт отмечали, что «модели в теориях игр и социального выбора разрабатываются и отстаиваются без малейшего намека на возможные операциональные определения — приводится доказательство за доказательством, однако тщетно искать подробное изложение того, как именно и когда модель применять» (с. 575). Подобного рода выражения озабоченности удивительно мало, однако, повлияли на развитие исследований в русле теории рационального выбора, и сохраняется явный дисбаланс между аналитическим описанием и приложением.

Те, кто пытается извлечь из моделей рационального выбора пропозиции, поддающиеся проверке, часто обнаруживают, ко всему прочему, что конструкция этих теорий предохраняет их от досадной встречи с реальными фактами. Эта проблема возникает в различных формах. Те, кто выдвигает модели столь экономные или абстрактные, что в них почти полностью отсутствуют узнаваемые особенности моделируемого объекта, т.е. политики (например, модели выработки и осуществления политического курса, в которых нет упоминаний о политических партиях, а каждая из отраслей управления рассматривается в качестве унитарных акторов [Banks, 1989, с. 670-699; 31, с. 8-44]), увертываются от тщательной эмпирической проверки, характеризуя свои теории как упрощающие модели (simplifications) или как лишь первые попытки приступа к нелегким теоретическим проблемам. Другие утверждают, что их модели схватывают общие истины и не должны непременно соответствовать специфическим приложениям, — как о том идет

речь у Калверта (Calvert, 1985), защищающего некую модель стратегии кандидата, «т.к. она раскрывает свойства, глубоко присущие всякому избирательному соперничеству, хотя эти свойства могут быть нейтрализованы особыми условиями той или иной ситуации в реальности» (см. также Strom, 1990, с. 11).

Пожалуй, главной причиной шаткости конструируемых моделей является введение в них столь большого числа элементов (термов), не поддающихся наблюдению, что в итоге сложность теории превышает способность данных обеспечить информативную проверку. К этой общей проблеме примешиваются специфические трудности, связанные с нечеткостью перевода равновесных моделей на язык эмпирических проверок. Там, где получает волю небрежность, эмпирическое изыскание лишается своей диагностической ценности.

Шаткие прогнозы

В объяснения с позиций рационального выбора, как правило, вводится масса не поддающихся наблюдению элементов (entities). Склонности, убеждения, принципы принятия решений, а также — на более высоком уровне абстракции — равновесия образуют существенные составляющие большинства моделей рационального выбора. Проблема не в самом по себе полагании не поддающихся наблюдению элементов, а в том, каково в объясняющих версиях соотношение между скрытыми конструктами, с одной стороны, и поддающимися восприятию в наблюдении параметрами (measures) — с другой.

Проблему до некоторой степени еще более усугубляет скептицизм, с каким приверженцы теории рационального выбора относятся к «психологическим» параметрам — мерам склонностей и убеждений. При всем том, что склонности и убеждения занимают в объяснениях с позиций рационального выбора видное место, многие ученые, работающие в этой традиции, ставят под сомнение пригодность каких-либо параметров, кроме параметров поведения — реальных актов выбора — в качестве показателей предпочтения. Этот скептицизм в отношении пластических данных не помешал теоретикам рационального выбора выступать с не основанными ни на каких данных рассуждениями о психологических процессах.

Чем выше в указанном соотношении доля, приходящаяся на скрытые конструкты, тем труднее установить, подтверждается или не подтверждается объяснение совокупностью данных.

Чтобы проиллюстрировать это положение, представим себе игру, в которой двое игроков должны разделить между собой сумму в 14

долл. Если игроки смогут прийти к соглашению, как поделить деньги, соглашение становится обязывающим; если прийти к соглашению не удастся, первый игрок получает 12 долл., а второй — ничего. «Теория кооперативной игры, — отмечают Хоффман и Спитцер, — предсказывает, что участники будут действовать кооперативно и разделят получаемые деньги в соотношении 13:1 (по Нэшу: выгадываемые в результате заключаемого соглашения 2 долл. делятся поровну). Ни при каких обстоятельствах первый игрок не должен согласиться менее, чем на 12 долл., согласно теории игр» (1985, с. 259). Предположим, что после неоднократного реального проведения этой игры в значительном числе случаев игроки поделили 14 долл. поровну. (И действительно, Хоффман и Спитцер сообщают, что все их экспериментальные игроки так именно и поступают, когда роли между ними разыгрываются бросанием монеты. При этих условиях участник в роли первого игрока всегда «соглашался на получение суммы, на 5 долл. меньшей, чем те 12 долл., которые могли бы ему достаться *без* кооперативного сотрудничества со стороны второго». См. также Хоффман и Спитцер, 1982.) Какие заключения можно вывести из такого характера получаемых результатов? Что суммы были слишком невелики, чтобы вызвать предпочтения, которые одержали бы верх над предсуществующими им склонностями к справедливости? Что, хотя правилами игры и запрещалось применение угроз, первый игрок все же боялся физических репрессалий со стороны второго? Что игра была неправильно понята? Что произошел временный отход от равновесия, которое восстановилось бы при выходе на больший контакт с реальным миром убийственно-ожесточенного торга?

Как показывает этот пример, гипотезы рационального выбора, сталкиваясь с непредвиденными фактами, могут быть реабилитируемы ссылками на ряд ненаблюдаемых мыслительных процессов, для прямого или косвенного измерения которых [в качестве параметров] имеются недостаточные меры. Поэтому при получении несогласующихся результатов может оказаться трудным на эмпирическом уровне остановиться на каком-либо из трех утверждений:

1. Предпочтения, предположенные в модели, точно представлены в подвергшейся наблюдению обстановке, но некоторым или всем актерам недостает стратегической проницательности, чтобы сыграть свою игру так, как к тому склоняет. — а, следовательно, и как то предсказывает — рациональный выбор.
2. Модель точно схватывает цели акторов, но, возможно, в силу особенных характеристик самого равновесия имеет место

временный отход от этого предсказываемого результата.

3. Модель не схватывает одной или нескольких особенностей наблюдаемой игры, и результаты соответствуют равновесиям (или их отсутствию) какой-то другой игры.

Разрастание количества неизмеряемых или трудноизмеряемых теоретических элементов (термов) создает ситуацию сродни ситуации недостаточной идентификации (*underidentification*) в статистических моделях со скрытыми переменными (см. Bollen, 1989). При таких условиях данные не могут обеспечить убедительную проверку. Когда какая-либо гипотеза не получает подтверждения, исследователь всегда готов заявить, что успешное осуществление прогноза перебила какая-то отклоняющая тенденция или временная абберация. В этом смысле обсуждение эмпирических аспектов исследований учеными рассматриваемого направления напоминает дискуссии о тенденции нормы прибыли к понижению, которыми были некогда поглощены марксисты. Убедив себя аналитическими аргументами, что норма прибыли при капитализме должна с течением времени понижаться, однако же не находя данных в подтверждение этого тезиса, марксисты десятилетиями тратили огромные усилия на то, чтобы обнаружить маскирующие, отклоняющие и скрадывающие тенденции, затемняющие этот якобы имеющий место феномен. Снижение прибыльности считали подспудно происходящим процессом на основании теории, настойчиво утверждавшей, что так должно быть (ср. Roemer, 1979a; Van Parijs, 1980).

С проблемой недостаточной идентификации можно обойтись двумя способами. Первый — сузить диапазон теоретических аргументов, могущих применяться при конструировании или реабилитировании той или иной теории. Нелегким, однако, оказывается делом выдерживать этого рода ограничение вопреки импульсу отстоять универсальную приложимость подхода с позиций рационального выбора. В пользу этих ограничений нередко выступают такие ученые, как Дауне (Downs, 1957) и Олсон (Olson, 1971), усилиями которых в исследование тех или иных областей политики внедряются изыскания с позиций рационального выбора. Со временем в отношении этих строгостей допускают послабления последующие авторы, стремящиеся сохранить ту или иную модель перед лицом не согласующихся с нею фактов. Другой способ — собирать дополнительные данные, с тем чтобы количество параметров (*measures*) [с находимыми значениями] получило шанс сравняться с числом теоретических элементов (термов). Ученые, работающие в традиции теории рационального выбора, обычно от этого уклоняются, они тем самым как бы молча признают, что

формальная точность моделей рационального выбора намного превосходит способность политологов к измерениям.

Нечеткая операционализация прогнозов

Другое общее для рассматриваемого исследовательского направления патологическое качество из числа относящихся к проверке гипотез связано с проблемой адекватной привязки выдвигаемых гипотез к эмпирическим проверкам, проводимым для их оценки. Поскольку в основе значительной части исследований, осуществляемых в данной традиции, лежит аналитический метод определения точки равновесия, многие пропозиции, исходящие из принципа рационального выбора, формулируются в виде прогнозов, определяющих достигаемую действиями акторов [при оговоренных условиях] точку какого-либо состояния. Иногда такой прогнозируемой точкой-состоянием является какой-либо количественный уровень или соотношение, как в случае предположения Одеона, что, не имея своих особых побудительных мотивов и не будучи понуждаемы, члены большой группы не станут участвовать в коллективной акции с целью заявить о совместных своих интересах (Olson, 1971). В других прогнозах «точечного» типа речь идет о каком-либо конкретном результате, как, например, в случае, когда прогноз определяет точку равновесия, достигаемую при заключении соглашения в кооперативной игре по правилам, включающим принцип взвешенного большинства. Такие пропозиции неизменно оказываются в чем-то ошибочными; порой совершаются грубые стратегические промахи, приводящие к неравновесным результатам. И тогда характер аргументации меняется: апеллируют сплошь и рядом к имеющимся основаниям «надеяться, что достаточное число людей действует в своем политическом поведении рационально в течение достаточного времени, чтобы экономические теории политики давали описания, объяснения и прогнозы, часто оказывающиеся полезными приближениями к истине» (Kavka, 1991, с. 372) (...)

Характер согласования теории и фактов становится более двусмысленным, когда гипотезы рационального выбора совершают плавные эволюции между прогнозами «точечными» и «маржинальными». Первые устанавливают — при оговоренном постоянстве, статичности условий — точку равновесия [в модели]; вторые, выводимые из «сравнительно-статического» анализа, устанавливают направление перемещения точки равновесия в ответ на экзогенные изменения в целях, убеждениях [акторов] или же в побудительных или сдерживающих воздействиях среды. Логически

возможно, что лишь один из этих видов прогноза выдержит эмпирическую проверку, тем не менее критериев оценки — два, что дает защитникам той или иной модели большую возможность претендовать на признание обоснованности ее прогнозов. Так, нередко пользуются успехом «маргинальные» прогнозы, между тем как в то же самое время со «статическими» оказывается не все в порядке. При всех натяжках, с какими модели рационального выбора объясняют, почему граждане дают себе труд отправиться к избирательным урнам, замечает Грофман (см. Grofman, 1993), теория рационального выбора все же верно прогнозирует, что люди менее склонны идти голосовать в плохую погоду.

Использование сравнительной статистики для создания гипотез не вызывает у нас возражений. Напротив, испытания, в ходе которых внимание сконцентрировано на экзогенных изменениях (on change at the margin), как мы полагаем, в большей мере, чем испытания с целью выработки «точечных» прогнозов, тяготеют к традиционной квазиэкспериментальной методологии. Озадачивает же эта убежденность в том, что [постулируемая] рациональность определенных действий может находить спасительную опору [всего-навсего] в том обосновании, что акторы в какой-то степени реагируют (are responsive) на изменения в [связанных с этими действиями] издержках или обретаемых благах (...)

Ответ на возможную критику

(...) Критическим возражением на нашу критику может быть, в частности, упрек в том, что наша позиция «антитеоретична», ибо, могут спросить, — какова же альтернатива теории рационального выбора? Как рассуждает Элстер (см. Elster, 1986), «нельзя побить что-то, не имея чем побить». У нас, мол, по крайней мере, теория, а что предлагаете вы? (...) Со своей стороны, Лакатос (Lakatos, 1970, с. 116, 119) подчеркивает, что ни неудача решающей эмпирической проверки, ни даже складывание таких неудач в тенденцию не опровергает теорию, ее вытесняет только другая теория. Данный тезис тоже подразумевает, что именно на скептиков, подвергающих сомнению модели рационального выбора, должно быть возложено «бремя доказывания» — обязанность предложить что-либо лучшее. Теоретики рационального выбора порой пытаются объявить установленным, что их подход является единственно научным в силу его дедуктивно-аналитического характера (...) Когда эти теоретики настаивают на том, что демонстрация существования эмпирической регулярности вовсе не служит доказательством верности того или иного объяснения, они правы (...) Объяснение

налицо, только если объясняющий в состоянии точно охарактеризовать каузальный (причинно-следственный) механизм, приводящий к соответствующей регулярности; теоретики рационального выбора этого не отрицают. Они, однако, слишком часто упускают из вида, что все подобные предполагаемые характеристики представляют собой догадки; никогда невозможно доказать, что они правильны. Теоремы могут быть доказаны, теории — нет. Все, что мы можем знать о той или иной теории, — это то, что она [пока] не опровергнута в попперовском смысле или что она не вытеснена в том смысле, в каком об этом говорит Лакатос. Чтобы признать объяснение правильным на данный момент, его выведение из теоремы не является ни необходимым, ни достаточным.

Одно предварительное замечание. Дело в том, что теории рационального выбора порой формулируются столь широко, что вмещают всякую мыслимую альтернативную гипотезу. Такой подход напоминает позицию Иеремии Бентама, настаивавшего на том, чтобы учение утилитаризма в его версии считали аксиоматичным на том основании, что переосмыслению и описанию заново в его категориях поддается любой возможный альтернативный источник человеческой мотивации. Если эмпирическая теория, каково бы ни было ее конкретное содержание, формулируется с такой растяжимостью, ее поборник не вправе бросать скептику упрек в том, что тот не предлагает альтернативы.

По ходу рассмотрения разнообразной литературы на темы рационального выбора мы упоминали ряд альтернативных гипотез, касающихся конкретных политических явлений: нормативную, культурную, психологическую и институциональную. Критика по поводу того, что мы не предлагаем никакой альтернативной теории, должна, следовательно, пониматься в том смысле, что мы не предлагаем никакой альтернативной теории сравнимого уровня всеобщности или степени широты. В связи с этим возникает вопрос, разумно ли рассчитывать, что удастся разработать одну общую теорию для объяснения тех разнохарактерных явлений, которые теоретики рационального выбора считают политическими. Когда, в особенности, политика понимается столь широко и, согласно такому пониманию, охватывает, например, и коллективные действия, и формирование коалиций в законодательных органах, и деятельность групп интересов, и ведение политических кампаний, — то чтобы предположить, что все эти столь различные явления объяснит единая дедуктивная теория, к какой устремляют свои помыслы Маккелви и Ризман (McKelvey и Riezman, 1992, с. 951), требуется незаурядная отвага, внушенная непоколебимой верой. Поиски общей теории политики, возможно, сродни поискам общей теории

[черных] дыр; может статься, никакая такая теория не поджидает своего открывателя.

В данном пункте мы рискуем быть в двух отношениях превратно истолкованы. Во-первых, мы не утверждаем, что политическое поведение не подчинится тем или иным законам; утверждать это — значило бы, по существу, отказаться от цели научного исследования политики.

Может, конечно, оказаться, что политическое поведение, будь то полностью, или в какой-то части (частях), не подчиняется каким бы то ни было законам; в таком случае всякие теории потерпят провал. В этом политика не отличается от других исследуемых учеными феноменов. Мы исходим из посылки, что действуют единообразные каузальные процессы; мы, конечно, можем в этом ошибаться.

Но, как бы то ни было, одно дело — полагать, что политическому поведению свойствен закономерный характер, и совсем другое — что оно целиком подчиняется одним и тем же законам. Некоторые виды политического поведения могут быть несводимо инструментальны, другие — несводимо экспрессивны [определяясь целями самовыражения], рутинизированы или как-то по-другому, какими-то иными факторами направляемы. Если так, то, пожалуй, нечего и рассчитывать, что различные виды политики управляются одними и теми же каузальными механизмами. Ремер (см. Roemer, 1979b), по сути, это и признает, когда настойчиво убеждает теоретиков рационального выбора оставить поиски инструментальных объяснений таких коллективных действий, как манифестации или мятежи, которые зачастую могут быть выражением скопившегося гнева и не выполнять никакой инструментальной задачи. Признавать это — не значит становиться на ту точку зрения, что такие феномены не могут исследоваться научно, а означает лишь, что ими могут управлять каузальные механизмы, качественно отличные от тех, что управляют инструментальным поведением.

Во-вторых, мы не отрицаем того, что при прочих равных условиях всеобщность [теории] желательна. Вопрос в том, схватывается ли такой всеобщностью действующий в наблюдаемой нами политике каузальный процесс, или же платой за нее оказывается достоверность. Занимаясь поисками целостной совокупности законов, объясняющих широкий круг политических явлений, не следует закрывать глаза на возможность того, что [лишь] о некоторых, а не обо всех, измерениях политики способны давать [достоверный] отчет законоподобные генерализации, о которых идет речь [когда мы говорим о желательности всеобщности]. Мы подчеркиваем, что эмпирические исследования должны строиться

таким образом, чтобы [с самого начала] настраивать нас на бдительную готовность к такой возможности. Если законы веского уровня общности окажутся не в ладу с данными, это может произойти и вовсе не из-за скудости теории, а из-за неподатливой сложности мира политики.

Короче говоря, обвинение в том, что наша позиция — антитеоретическая, т.к. указанные нами альтернативные эмпирические гипотезы не дедуцированы из законов, опирающихся на теоремы рационального выбора, при ближайшем рассмотрении оказывается скорее риторической фигурой, а не обвинением по существу. Даже если бы теоретики рационального выбора поступали согласно с собственной методологической риторикой, их теории были бы не более, чем эмпирическими догадками, испытывающими зависимость от того, насколько генерируемые конкретные гипотезы согласуются с имеющимися под рукой данными. Проследившая же их эмпирико-теоретическую деятельность, как она разворачивается фактически, мы фактически же и обнаруживаем, что при изготовлении гипотез характерным образом проделывается немалая работа по выдвиганию догадок *ad hoc* (здесь: в связи с такими данными. — *Пер.*). С позиций инструментализма в духе Фридмана это, как мы отмечали во II разделе, не имеет существенного значения, но тогда столь же неосновательно и обвинение в антитеоретизме по нашему адресу. Если же речь идет о моделях, демонстрирующих также и законы, которым подчиняются объясняемые в них явления, то в чем бы теоретики рационального выбора ни могли по справедливости обвинить других, их собственные манипуляции, с помощью которых они пытаются создавать работающие эмпирические гипотезы, как мы показали, внушают не больше доверия.

Между обоими полюсами: разработкой теории, устанавливающей законы, которым подчиняются исследуемые явления, и инструментализмом в духе Фридмана — располагается поле деятельности по построению теоретических генерализаций среднего уровня. Эта работа предполагает теоретическое трактование условий, при которых определенные типы объяснений обладают вероятным преимуществом перед другими, а также отношений между типами переменных в объяснениях, вводящих множественную причинность. Заниматься теоретизированием такого рода теоретики рационального выбора сплошь и рядом считали нестоящим делом. В их сознании закрепились представления, в которых наука связывается с дедуцированием гипотез из законов, имеющих прочное обоснование. Однако при отсутствии в политической науке эмпирически подкрепленных общих законов

разработка генерализаций среднего уровня — это, возможно, единственно жизнеспособное теоретизирование.

Наконец, одно из возможных возражений в ответ на нашу критику могло бы состоять в том, что мы прибегаем к нереалистично высоким критериям — не в том [попперовском] смысле, какой вкладывается в подобного рода возражения, когда говорят о «наивном опровергательстве», а хотя бы в том прагматическом смысле, что никакая из альтернативных теорий, существующих в политической науке, не могла бы им соответствовать. Если теории рационального выбора терпят провал при проверках, которых не выдерживает и всякая другая теория политики, то что же тогда дает демонстрация их провала?

Мы готовы с этим возражением отчасти согласиться. Верно, разумеется, что теории, по своей масштабности и широте сравнимые с теорией рационального выбора, редко когда процветали в общественных науках, а в политической науке — вообще никогда. Вне всякого сомнения, такие теории, как марксизм, теория элит, теория систем и структурно-функциональный анализ, оказались бы столь же уязвимы, если бы их подвергнуть такому же пристальному рассмотрению. Но это само по себе еще не говорит о том, что критерии слишком высоки. Ведь с не меньшим основанием можно сказать, что это как раз теории нереалистично претенциозны по масштабности. Если теории, построенные для исчерпывающего объяснения всякого политического поведения и всех и всяческих институтов, одна за другой проваливаются, то отнюдь не сами определения успеха и провала, но скорее разумность выдвижения таких теорий — вот что имеет смысл поставить под вопрос. Именно такова наша рекомендация, и это вряд ли неожиданность после всего сказанного нами выше о разнохарактерности политических феноменов.

Когда научное исследование политики не мыслится в столь всеохватных категориях системосозидания, когда в таком исследовании больший упор делается на умелое проведение эмпирической работы, то и в изысканиях, выполненных в традиции теории рационального выбора, достигаются успехи. Можно указать в этой связи на хорошо проверяемые прогнозы Флорины (Florina, 1993) относительно политического эффекта от «профессионализации» законодательных собраний штатов или на исследование Олдричем (1980) динамики стратегий кандидатов на первичных президентских выборах. Результаты, получаемые в таких исследованиях, продвигают вперед продуцирование знания о политике, даже если они не оправдывают тех более грандиозных претензий, какие используются порой при рекламировании теории

рационального выбора. Существование подобного рода изысканий, заслуживающих всяческой похвалы, доказывает, что мы не пытаемся привнести в политологическую дисциплину новые и нереализуемо высокие критерии. Кстати, ни за одним из этих эмпирических изысканий не стоят теоремы; примененные в них гипотезы не дедуцируются явным образом из охватывающих исследуемые явления законов, и в них не содержится никаких утверждений о том, генерализуемы ли они применительно к другим политическим и стратегическим контекстам. Они, короче говоря, по роду своему подобны обычным формам исследования в общественной науке.

Заключение

Главное, что мы доказывали в этой статье, — то, что эмпирические приложения теории рационального выбора в политической науке с 1960-х годов были отмечены синдромом методологических изъянов. В отличие от ошибок обыденного свойства, какими часто сопровождаются эмпирические исследования в сфере общественных наук, дефекты, о которых идет речь, — иного характера; они коренятся в претензиях выйти на уровень универсальной теории политики и в убеждении, что без этого нет подлинной науки. Мы остаемся скептиками, сомневающимися в том, чтобы некая универсальная теория политики могла выдержать тщательную систематическую эмпирическую проверку. Может быть, в будущем окажется, что наш скептицизм был неуместен; об этом можно рассуждать разве что чисто умозрительно. Как бы то ни было, мы утверждаем, что сторонниками концепции рационального выбора до сих пор не разработана эмпирически достоверная универсальная теория. Нас не удивляет, что нередко те из теоретиков рационального выбора, кто всерьез занимался эмпирическими приложениями, отказывались от чисто универсалистских заявок в пользу более тонких и более сдержанных формулировок. Как мы, кроме того, подчеркивали, нет оснований считать, что, становясь на этот путь, теоретики рационального выбора непременно рискуют нанести непоправимый ущерб своим научным помыслам; напротив, для того чтобы тот или иной вариант теории рационального выбора продвинул вперед наше понимание политики, такой путь необходим. В заключение, возможно, будет небесполезным напомнить вкратце о некоторых из тех перемен, какие требуются, чтобы в ходе будущих исследований справиться с проблемами, сдерживавшими поступательное развитие данного направления политической науки.

Во-первых, теоретикам рационального выбора надо преодолевать те охранительные по отношению к теории импульсы, под действием которых исследование постоянно идет от метода. Вместо того, чтобы спрашивать: «Как могла бы какая-либо теория, исходящая из концепции рационального выбора, объяснить X?» — плодотворнее задаться вопросом, идущим от проблемы: «Чем объясняется X?» Это, естественно, повлечет за собой выяснение сравнительной существенности множества возможных объясняющих переменных.

Несомненно, стратегический расчет будет одной из них, но будет, как правило, и много других — от традиций поведения, норм и культур до различий в

человеческих способностях и случайных деталей исторической обстановки. Желание бежать от этой сложности вместо того, чтобы строить объясняющие модели, учитывающие ее, должно быть преодолено, даже если это сужает сферу приложения. Наша рекомендация состоит не в том, чтобы эмпирическая работа подменила теорию, а в том, чтобы теоретики плотнее держались данных и, таким образом, теоретическая работа велась эмпирически более значимо. Призыв к тому, чтобы теоретизирование «плотнее держалось данных», фокусирует наше внимание на той напряженности между развитием теории и проверкой теории, которая свойственна любой эмпирической науке. С одной стороны, отрыв теорий от эмпирического источника их жизненного заряда способен приводить к беспредметному теоретизированию и * плодить дискуссии, не стимулируемые практически ничем, кроме теоретических догадок, из которых они возникли. С другой стороны, теоретизирование, привязанное к своему эмпирическому источнику, грозит выродиться в подгонку теорий *post hoc* [под становящиеся известными факты]. Единственно плодотворный способ отношения к этой напряженности состоит в том, чтобы никогда не довольствоваться теми переделками теоретических догадок, которые конструируются в связи с предшествующими неудачами теории. Можно пересматривать теории, когда они оказываются неспособны объяснить факты, но пересмотренная теория должна затем проверяться на ' новых фактах и т.д. Словом, теоретики рационального выбора должны от- « крыть для себя необходимость систематического проведения эмпирических * проверок в процессе разработки теории.

Во-вторых, этим теоретикам следовало бы расстаться со своей приверженностью чистому универсализму и с сопутствующим этой приверженности стремлением всякий раз или отклонить конкурирующую теоретическую версию, или же подвести ее под свое собственное объяснение. Гипотезы, вытекающие из теории рационального выбора, лучше схватывали бы суть явлений, если бы проводилось более четкое различие между рациональным действием и другими моделями поведения; а эмпирические проверки были бы более убедительны и информативны, если бы нацеливались на выявление пределов, в которых рациональный выбор обладает объясняющей силой. Такой поворот в подходе к делу, помимо прочего, побудил бы теоретиков рационального выбора мягче трактовать условия, при которых они готовы, в свете эмпирических наблюдений, снимать свои объяснения. Теоретизирование с позиций концепции рационального выбора со времени своего внедрения в политическую науку испытывало воздействие двух противоположных импульсов: духа междисциплинарности, устремленного к унификации объяснения в общественной науке в целом, и местнической склонности все общественные явления трактовать в узкоотраслевом духе, воспринимая их через призму микроэкономического подхода. Дауне ' (Downs, 1957, с. 8), например, недвусмысленно уклонился от социально- • психологических объяснений даже вопреки новейшим сведениям, прямо ' подвопивший его к ним, — из боязни лишиться обособленной партии в научном ансамбле: «Эмпирические исследования чуть ли не в один голос заключают, что почти для любого индивида гораздо важнее притирка в первичной группе, нежели более отдаленные по сравнению с этим соображения экономического и политического благополучия... Тем не менее мы должны исходить из того, что люди ориентируют свое поведение в этом мире главным образом на последнее; иначе всякий анализ как экономики, так и политики превращается просто в

придаток социологии первичных групп».

Если бы на общественную науку в меньшей степени смотрели как на состязания на приз между конкурирующими теоретическими подходами, из которых только один может одержать победу, и в большей степени — как на совместное предприятие, в котором объяснения обуславливают и дополняют друг друга, то побуждения пристрастия, коими порождается методологически ущербное исследование, можно было бы держать в узде. Вместо вопроса: «Принять теорию рационального выбора или нет?» — звучало бы нечто более плодотворное: «Как рациональность взаимодействует с другими сторонами человеческой природы и организации, порождая ту самую политику, к пониманию которой мы стремимся?»